

это, король закрыл плащом глаза и, горько заплакав, обратился к нашему Спасителю: «Боже милостивый, не заставляй меня страдать при виде Твоего Святого города, потому что я не могу вырвать его из рук Твоих врагов!»

Советники привели королю этот пример потому, что чувствовали – если король, который был величайшим из всех христианских монархов, совершит паломничество в Иерусалим без того, чтобы вырвать его из рук врагов Бога, то все остальные короли и пилигримы, которые двинутся вслед за ним, будут уверены, что не смогут сделать больше того, что сделал Людовик IX, отказавшись от мысли вернуть этот священный город.

Король Ричард I Львиное Сердце был настолько известен своими подвигами за морем, что, когда лошадь какого-нибудь сарацина шарахалась от кустов, хозяин мог сказать ей: «Ты что, думаешь, там король Ричард Английский?» А если сарацинский ребенок начинал плакать, мать говорила ему: «Прекрати же! А то я приведу короля Ричарда, и он убьет тебя!»

Герцог Бургундский, о котором я уже упоминал, вел себя как хороший рыцарь, когда дело касалось его земель, но никогда не считался умным, шла ли речь о его отношениях с Богом или о понимании мирских дел, и это нетрудно понять из того, что я рассказывал о нем. Из-за этого великий король Филипп II Август, услышав, что сына графа Шалона назвали Гуго в честь герцога Бургундского, как-то выразил надежду, что Господь сделает его таким же смелым, как герцог. Его спросили, почему он не назвал герцога мудрым и достойным человеком. «Потому, – сказал король, – что есть большая разница между человеком смелым и человеком мудрым и достойным. Ибо есть много отважных рыцарей и в христианских землях, и среди сарацин, которые никогда не верили ни в Господа нашего, ни в Его Мать. Так что я говорю, – добавил Филипп II, – что Бог наградил великим даром и особой милостью христианского рыцаря, наделив его физической силой и смелостью и в то же время оберегая его от смертных грехов. Рыцаря, который ведет себя подобным образом, справедливо называют мудрым и достойным, поскольку его дар совершать благородные деяния идет от Бога. Те же, кого я упомянул раньше, могут быть названы лишь смелыми, потому что, хотя и обладая большой физической силой и отвагой, они не боятся ни Бога, ни смертных грехов».

Я не могу даже попытаться дать точный отчет о тех огромных суммах, которые король потратил на укрепление Яффы, ибо они так велики, что их и не подсчитать. Людовик IX возвел укрепления по обеим сторонам города до самого моря; на стенах стояли двадцать четыре башни, рвы перед внешними и внутренними валами были заполнены жидкой грязью. Еще были трое ворот, одни из которых вместе с частью стены были построены за счет папского легата.

Чтобы дать вам представление, сколько король ассигновал на все это, скажу, что как-то я спросил у легата, сколько он потратил на единственные ворота и часть стены. Он, в свою очередь, спросил меня, что я по этому поводу думаю, и я оценил, что ворота, должно быть, стоили добрых пятьсот ливров, а его часть стены – триста ливров. Легат сказал мне – и Бог тому свидетель – что стена и одни ворота в сумме обошлись ему в добрых тридцать тысяч ливров.

## Глава 16 ПОХОД К САЙДЕ

*Июль 1253 – февраль 1254 года*

Как только укрепления Яффы были закончены, король решил идти к Сайде и восстановить ее оборонительные сооружения, которые разрушили сарацины. Он двинулся в путь в день праздника в честь святых апостолов Петра и Павла и на ночь встал лагерем со всей армией у замка Арсуф, который был надежно укреплен. В тот же вечер он созвал своих приближенных и сказал, что, если они согласны, он хочет отбить у сарацин город Наблус, известный в Святом Писании как Самария.<sup>19</sup>

Храмовники, госпитальеры и бароны заморских земель ответили, что считают попытку взять этот город хорошим замыслом; но, кроме того, они также думают, что лично король не должен

---

<sup>19</sup> Не Самария, а Сихем (Шхем), столица Самарии